

евроінтеграції (18 травня 2018 р., м. Одеса): у 2 т. Т.1 /відп. ред. Г.О.Ульянова – Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2018.

4. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. / М.Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге: сборник статей. – М.: Высшая школа, 1991.

Ерёмко Александр Михайлович

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор

СОБЫТИЕМА КАК СВЁРНУТАЯ ИСТОРИЯ

В работе «История как событийность» [1] мы ввели в научный оборот понятие «событема» и попытались применить это понятие к объяснению некоторых закономерностей событийной истории. По нашему мнению, в истории существуют некие всеобщие формы, способы, «фигуры» единичных событий. Именно эти всеобщие формы событийности делают возможным осуществление единичных событий. Событемы – это, с одной стороны, образцы событий, но, с другой стороны, – это некие вместители событий.

В конечном счете, своим учением о событемах мы хотим сказать следующее. Существует возможное как некая разновидность бытия. Но возможное не однородно, а внутри себя структурировано. Возможность звезды, возможность человека, и возможность, скажем, футбольного матча – это разные возможности. В первую очередь, разумеется, следует различать возможности вещей и возможности событий. Так вот, событемы – это существующие в мире возможного основные типы, классы, виды событий.

Можно предложить следующие определения понятия событемы: 1) *событема есть идея (эйдос) событий; 2) событема есть идеальный тип событий; 3) событема есть возможность событий определенного типа; 4) событема есть то, благодаря чему события определенного рода могут происходить таким-то и не могут происходить таким-то образом.*

Следует различать абстрактную, “чистую” структуру событемы и структуру событемы, так сказать, наполненной единичными событиями. Как абстрактная возможность тех или иных событий событема устроена по принципу да/нет. Она представляет собой безразличный к содержанию событий принцип разрешения и запрета событий определенного типа. С другой стороны, событема есть как бы виртуальная “ячейка” для единичных событий исторического процесса. Последующие события не могут

беспорядочно заполнять эту ячейку: они должны и по своей форме, и по содержанию соотноситься с предшествующими, уже заполненными событием событиями. Если исходить из сущности события как простого принципа всякой происходящности, то первичным следует признать чистую структуру события. Если же исходить из наполняемости события единичными событиями, то первичными следует признать эти события.

В качестве художественной иллюстрации событиемного метода приведём легенду о принце Земире, сочинённую Анатолем Франсом. Персидский принц Земир, вступив на престол, поручает своим учёным написать историю всего человечества. После двадцати лет напряжённой работы они предоставляют повелителю труд в пятьсот томов. Но Земиру некогда читать многотомный труд – он поручает сократить его, оставив наиболее существенное. После нескольких таких сокращений секретарь академии предоставляет Земиру один толстый том, в котором изложено всё самое существенное, что происходило в мировой истории. Но прошло много лет – и престарелый Земир лежит на смертном одре. Он сетует, что так и не узнает историю людей. Секретарь академии берётся изложить её в трёх словах: они рождались, страдали и умирали [6, 627-629].

По нашим наблюдениям, обычно эту легенду приводят в двух целях:

1) чтобы показать, что в истории нет ничего нового, она представляет собой повторение стандартных ситуаций; 2) чтобы показать «нищету философии» в историческом познании: историка интересует различие событий и ситуаций, их детали, а не расхожая мудрость: «нет ничего нового под солнцем».

С некоторыми оговорками мы, разумеется, склоняемся к первому варианту. Ведь события – это и есть, по сути, набор стандартных ситуаций, в который вписываются все единичные события истории. Но это не означает, что в истории нет ничего нового – могут возникать новые события.

В легенде о принце Земире прочитывается блестящая и в то же время горькая ирония А. Франса относительно истории и историков. Ещё более язвительную иронию можно извлечь из этой легенды относительно философов истории. Такое впечатление, что легенда о принце Земире просто интеллектуально уничтожает концепт события. Но мы готовы поднять перчатку, брошенную великим писателем. В событиемном смысле история именно такова: люди рождались, страдали и умирали.

Здесь очень хорошо просматривается огромная разница между историком и философом. Для историка чрезвычайно важна конкретика, важны детали: как именно люди рождались, страдали и умирали; какие именно изменения происходили в их жизни от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Для него важны, так

сказать, конкретные формы и способы рождения, страдания и умирания. И далее: важно как именно вот этот человек родился, страдал и умер. Банальное философское умствование, что люди смертны, что люди рождаются, страдают и умирают, совершенно недостаточно для историка.

Давайте не будем торопиться в антифилософском порыве. Разумеется, для историка чрезвычайно важно, как именно родился, страдал (думал, чувствовал, любил, работал, воевал и т. д.), как именно умер тот или иной человек той или иной эпохи. И чрезвычайно важно, как именно рождались, страдали и умирали массы людей той или иной эпохи.

В этой последней постановке вопроса мы и подходим к событию-методу. А разве для историка не представляет интерес *исследование самого способа, самой типичной формы рождения, страдания, любви, войны, умирания и т. п. той или иной эпохи?* И исследование *различий* этих способов от эпохи к эпохе и от культуры к культуре? И особенно важно – исследование *изменения этих способов*. Именно в этом суть исторического процесса, и в таком исследовании будет достигнута наибольшая адекватность его понимания. Но предпосылкой такого исследования будет осознание *самостоятельности, объективной целостности способов рождения, страдания, умирания и т. д. как онтологических феноменов исторической реальности*. Без такой предпосылки будет невозможным их серьёзное исследование. Но это и есть событие.

Смысл легенды о принце Земире более глубок, чем полагают её поверхностные интерпретаторы. Этой легендой можно иллюстрировать тезис о *событии как свёрнутой истории, а истории как развёрнутой событии*. Здесь мы вынуждены будем несколько углубиться в метафизику истории.

Известно учение Николая Кузанского о развёртывании Бога в мир. Мир есть развёрнутый Бог, а Бог есть свёрнутый мир. Это учение – одна из вершин изощрённой диалектики человеческого разума. Все вещи развёртываются из Бога, в котором они изначально свёрнуты. В единице свёрнуты все числа, в точке – все фигуры, в «теперь» – все времена, в единстве – инаковость, в покое – движение, в тождестве – различие и т. д. [3, 103-104]. В бытийности Бога свёрнуто бытие всех вещей [2, 296].

В человеке свёрнуты все низшие и высшие природы, почему он именуется микрокосмом [3, 150]. Человек есть в некотором смысле «человеческий Бог» и «человеческий мир». «В человечности человеческим образом, как во Вселенной универсальным образом, развёрнуто всё, раз она есть человеческий мир. В ней же человеческим образом и свёрнуто всё, раз она есть человеческий Бог» [5, 260]. Созидание Вселенной есть как бы конкретизация первоединства в множественность вещей.

При желании можно найти у Кузанца предвосхищение мотива зова бытия у М. Хайдеггера или тойнбианской концепции вызова-и-ответа. Бог зовёт к бытию то, чего нет – и оно приходит в бытие. Оно становится тем, что было в нём свёрнуто согласно замыслу Господа. *Развёртывание есть как бы ответ бытия на зов Бога.* С философско-исторической точки зрения особенно интересно, что последовательность существования есть развёртывание «простейшей вечности». Бог замыслил всё сразу, но таким образом, что в мире одно существует прежде, а другое после [4, 55-56]. Таким образом, ход времени есть развёртывание предвечного замысла Бога.

Если применить это к событиемной теории истории, получим: в событиеме свёрнуты события определённого типа; во всех событиемах свёрнуты все события мировой истории. *История есть развёртывание событий из событием.* Человек есть в некотором смысле «микроистория». Именно человек, так сказать, «распаковывает» событиемы в историю; в то же время он «упаковывает» событиемы новыми событиями. Дление истории есть как бы конкретизация единства событием в множественность событий. *История есть развёртывание простейшей вечности в земное время благодаря деятельности человека.* Именно благодаря этой деятельности то, что Бог замыслил сразу, приходит в мир последовательно: одно прежде, а другое после.

Впрочем, при таком понимании истории следует существенно откорректировать одну из трактовок событиемы. Ранее мы трактовали событиему и как эйдетический образец единичных событий, и как «вместилище» событий. Но если событиема есть свёрнутость событий определённого типа, то она не может быть «пустой». События могут разворачиваться из событиемы только в том случае, если они уже существуют в ней в некоем, предположим, виртуальном модусе. Поскольку концепция событием находится пока что на ранней стадии развития, оставим эту гипотезу открытой.

Список использованной литературы:

1. Ерёмченко А. М. История как событийность. В 2 т. Т. 1 / А. М. Ерёмченко. – Луганск : РИО ЛАВД, 2005. – 544 с. : ил.
2. Кузанский Н. Игра в шар / Н. Кузанский // Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский. – М., 1980. Т. 2. – (Философское наследие). – 471 с. – С. 249-315.
3. Кузанский Н. Об учёном незнании / Н. Кузанский // Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский. – М., 1979. – Т. 1. – (Философское наследие). – 488 с. – С. 47-184.
4. Кузанский Н. О видении Бога / Н. Кузанский // Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский. – М., 1980. Т. 2. – (Философское наследие). – 471 с. – С. 33-94.

5. Кузанский Н. О предположениях / Н. Кузанский // Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский. — М., 1979. — Т. 1. — (Философское наследие). — 488 с. — С. 185-279.
6. Франс А. Суждения господина Жерома Куаньяра / А. Франс // Сочинения: в 8 т. / А. Франс. — Москва: Гос. изд-во худ. лит., 1958. — Т. 2 — С. 525-656.

Смазнова Ирина Сергеевна

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
докторант кафедры общетеоретической юриспруденции,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПАРНОСТИ КАТЕГОРИЙ «АГРЕССИЯ» И «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Парность — это свойство, присущее многим объективным явлениям и процессам. Категория «парности» уверенно заняла в исследованиях гуманитарного направления (философия, политология, культурология, юриспруденция, политика и другие) одно из центральных мест.

В философской литературе «парность» означает, что каждая из сторон пары взаимно дополняет другую, не существует без другой. Каждая сторона пары непосредственно проявляет себя в своей парной категории, взаимно пользуется ею как своим средством. Философия пронизана парными категориями, например, материя и сознание, действительность и возможность, необходимость и случайность, форма и содержание и т.д.

В политологии категория «парность» рассматривается в ракурсе бинарного сравнения, например, парное сравнение двух, чаще всего похожих стран. Но все больше при изучении политологических категорий исследователи прибегают для их целостного и системного изучения или раскрытия ранее малоизученных свойств к поиску их пары.

Так, политолог О. В. Орлова отмечает, что «Современное правовое государство и гражданское общество — это «парные» категории политологической и юридической науки. Эта «парность» проявляется в наличии верховенства права в государстве и обществе как меры свободы, равенства и справедливости, в определении правовой свободы как свободы делать все без ущерба интересам и правам других [1; 167].

А известный культуролог М. И. Найдорф в своей работе «Парные категории в культурологии» пишет, что «система культурологических категорий — это, в сущности, система основополагающих вопросов, с которыми исследователь культуры